

АГРИКОЛА Э.

МИКРО-, МЕДИО- И МАКРОСТРУКТУРЫ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА СЛОВАРЯ

Несмотря на то, что лексикография имеет относительно длительную историю, вплоть до настоящего времени не удалось создать систематическую и непротиворечивую теорию лексикографии, на основе которой можно было бы составлять словари совершенно нового типа, в частности такие, которые включали бы информацию, качественно отличную от обычно используемой. Возникают следующие вопросы: поскольку лексикография на протяжении всей своей истории не имела возможности опереться на собственную лексикографическую концепцию, правомерно ли считать, что у нее есть история вообще? Какой могла бы быть лексикография, если бы она опиралась на солидную теоретическую основу? В настоящее время можно констатировать, что результаты работы специалистов в этой области, к сожалению, существенно отстают от достижений общей теоретической лингвистики (ср. работы Гримма, Пауля, Трира, Найды, Греймаса и др.). Это стало наиболее очевидным с тех пор, как семантика снова начала включаться, наряду с синтаксисом, в теорию грамматики, а компоненты словаря заняли ведущее положение как промежуточное звено между морфолого-синтаксической, семантической и звуковой структурой высказывания.

Интенсивно развивающиеся в последние 25 лет исследования в области теории семантики (особенно теории языковой деятельности и текста, психолингвистики и других дисциплин), а также изучение сущности и назначения словаря делают все более очевидными слабые стороны лексикографических трудов, которые до сих пор не преодолены. Это дает возможность сформулировать основную цель будущих лексикографических исследований: «модернизировать» теоретические принципы составления словарей. При этом следует избегать крайностей — лишь частичного обновления словаря (только определенные группы лемм или их совокупности подвергаются пересмотру в свете новых теоретических данных) или слишком поспешного его составления (это относится, в частности, к словарю [1]; ср. суровую, но справедливую критику этой работы [2]). Реальный путь, который мог бы привести к желаемым результатам, заключается в целенаправленной разработке специальной теории лексикографии как одной из дисциплин общей лингвистики. В последние пять лет это требование стали выдвигать все чаще и чаще, причем не раз высказывались плодотворные идеи и соображения по этому вопросу. В связи с этим можно упомянуть программные работы [3—5], выполненные группой исследователей во главе с Г. Дроздовским, а также сборник [6], подготовленный Центральным Институтом языкознания АН ГДР. И все же содержащиеся в этих работах соображения о целях и объеме предполагаемых исследований еще не дают возможности непосредственной разработки зрелой, законченной теории и ее применения в лексикографической практике.

Процесс теоретического обоснования работы по созданию словарей можно, видимо, несколько ускорить, если придерживаться той стратегии, перспективы и возможности которой начали исследоваться группой научных сотрудников из ГДР. Основная задача заключается в анализе результатов и достижений современной лингвистической теории (особенно в области семантики и словарного состава языка), причем такой анализ нацелен на установление возможностей использования теории в лексико-

графической практике. Это значит, что на примере одной показательной-конкретной, но пригодной для обобщения группы единиц словаря ставится задача исследовать все значимые для целей лексикографического описания явления и проблемы в той мере, в какой они получили освещение в теоретической семантике. Такое исследование должно проводиться на основе принципа тесной системной взаимосвязи семантических микро-, медико- и макроструктур¹. Результаты этой работы могли бы найти отражение в труде общего характера, обладающем широкими возможностями применения. Этот труд не будет еще словарем в общепринятом понимании. Он будет использоваться как банк разнообразных данных, а также служить руководством и справочным пособием, отражающим уровень научного познания в области лексикологии, лексикографии и языкознания в целом. Такого рода «модельный словарь» должен, как следует из его рабочего, хотя и не совсем удачного названия, стать образцом отбора словарных единиц, промежуточной ступенью систематической оценки результатов семантических исследований в трех плоскостях: на логико-семантическом уровне, на уровне лексикологической обработки, а также на уровне представления некоторых замкнутых подсистем словарного состава (речь идет, в частности, о тех группах слов основного словарного состава, которые после обработки по лексикографическим параметрам могут быть представлены в качестве образца определенной группировки лексик).

Основная цель такого рода предварительных исследований заключается, таким образом, в том, чтобы выяснить, возможно ли (и в какой мере) включать в описание структуры, постулируемые лингвистическими теориями, и использовать соответствующий инвентарь единиц и типы реляционных связей; можно ли осуществлять эти операции в таком объеме, чтобы описать исследуемую совокупность лексем как в плане дифференциации и классификации, так и в плане экспликации элементов, и установить иерархию парадигматических и коллокативных связей, общих для больших групп лексем. Основой словарной работы в будущем должна стать теоретическая разработка общих системных связей во всем их многообразии. Особого внимания заслуживают вопросы диалектической связи, взаимной зависимости и взаимовлияния семантических микро-структур, с одной стороны, и парадигматических и синтагматических макроструктур — с другой. Принципиально новым в этой целеустановке является то, что используемые в словаре данные не ограничиваются ориентацией только на языковую компетенцию адресата (в частности, при толковании какого-либо одного типа отношений между единицами словаря, как это имеет место, например, в словарях синонимов или антонимов). В предлагаемом модельном словаре ведущим является конкретное представление комплекса этих связей с учетом возможности сравнения и проверки их, а также исследование причин, обуславливающих существование именно данных отношений.

Таковы предварительные замечания в связи с общей концепцией и основными задачами проекта словаря. Далее будут рассмотрены некоторые наиболее существенные части нашей предполагаемой работы, а именно: выделение типов информации и анализ некоторых проблемных вопросов.

Структура лексем (микро- и макроструктура). Непосредственными объектами и основными элементами анализа при создании модельного словаря (словаря-образца) указанного типа является совокупность лексем, целенаправленно отбираемых из словарного состава языка. В данном

¹ Под «микроструктурой» автор понимает то, что в советской лексикографической и лексикологической традиции носит название «семантической структуры слова», т. е. взаимоотношение ЛСВ полисемантического слова. «Медико-структурой» называется внутренняя организация лексико-семантических групп, выделяемых в словнике (лексиконе) на разных основаниях (т. е. структура семантических полей, тематических групп, ассоциативных полей). «Макроструктуру» лексикона образуют синонимические, антонимические, омонимические, паронимические отношения на всем массиве словника того или иного словаря. Иными словами, под «макроструктурой» следует понимать внешние связи семантических полей, тематических и лексико-семантических групп, т. е. внешние связи единиц, составляющих «медико-структуры».

случае к ним относятся монемные элементы словаря, которые выступают в форме корневых и деривационных слов и других сложных по своему формантному строению единиц. При этом не игнорируется, а лишь отодвигается на задний план проблематика, которая возникает дополнительно в связи с анализом паралексем и фразеологизмов всех типов. Точно так же не снимается дискуссионный вопрос относительно понятия слова.

Значения лексем как элементов словаря (и классов знаков) понимаются как когнитивные смыслы тех билатеральных, абстрагированных от словоформ знаков (семем), которые в результате компонентного анализа могут быть описаны в форме структуры сем или семантических признаков (инвариантных, обобщенных межсубъектно-связанных элементов, воспроизводящих объективную реальность) [7]. Такой способ представления значения лексем и основанное на нем толкование сигнификативных единиц следует понимать и как внутреннюю семную структуру денотативно-референтного состава значения, и как основу парадигматических и синтагматических связей. Исходными могли бы стать методы анализа, предлагаемые, например, Г. Вотьяком [8] и О. Каде [9]. Глубина и точность анализа предполагают, в частности, наличие компромисса между научно обоснованной, объективно и теоретически оправданной формой, предикативно-логической по своей сути, и возможностью создания на ее основе вербального представления. В отдельных случаях глубина и точность анализа зависят от определенных требований. Так, глубина проникновения в смыслы, дифференцирующие семемы, будет весьма отличаться от глубины их распределения.

Еще одним существенным результатом семемного анализа должно явиться более точное исследование медиоструктуры. Последняя определяется возможностями членения обобщенного значения полисемной лексической единицы, дифференциации отдельных вариантов лексем по их различительным признакам и (в отдельных конкретных случаях) возможностями выявления более или менее широко разветвленных взаимных подчинительных связей. Все это будет способствовать более точному пониманию различных вариантов лексем, способов их употребления и контекстного варьирования. В то же время существует необходимость выявления общих правил для случаев разного рода переноса значений, что дает возможность описать отношения между метафорическими, метонимическими и другими видами несвободного словоупотребления таких вариантов (если они выделимы) в виде «словарных», «свободных» вариантов. А. Нойберт [10] приводит несколько примеров, демонстрирующих «ступени отклонения» от основного значения для нем. *traurig*(=x) «печальный»: 1) «быть в состоянии x» (*traurige Person*); 2) «выражать состояние x» (*trauriges Gesicht*); 3) «быть причиной состояния x» (*trauriger Roman*); 4) «иметь признаки состояния x» (*traurige Zeiten*).

Целенаправленное упорядочение лексем и их вариантов в общей системе связей макроструктуры словарного состава языка обуславливает необходимость и возможность более точного представления медиоструктуры лексем. Например, в немецкой лексеме *Film* «фильм» можно однозначно выделить, по крайней мере, шесть различных синонимичных рядов, которые указывают на членение значения на шесть разрядов (вариантов), находящихся друг к другу в отношении производности в такой последовательности:

- 1) *Film*₁ = *Schleier* = *Schicht* = *Hauch* = *Belag*
- 2) *Film*₂ = *Aufnahmematerial* = *lichtempfindliche Schicht*
- 3) *Film*₃ = *Streifen* = *Filmstück* = *Filmhandlung* = *Kinostück*
- 4) *Film*₄ = *Kino* = *Vorstellung* = *Vorführung* = *Darbietung*
- 5) *Film*₅ = *Filmgesellschaft* = *DEFA*
- 6) *Film*₆ = *Filmwesen* = *Filmschaffen* = *Filmbranche* = *Filmkunst*

В связи с различиями в коллокативном поведении вариант такой лексемы, как *Schnee*₁ («форма выпадения осадков»), следует дальше членить на *Schnee*_{1a} («осадки в форме замерзших частичек, хлопьев, кристаллов,

которые выпадают из атмосферы на поверхность земли») и *Schnee*₁₂ («скопление таких частичек на поверхности земли»).

Толкование значения как ревербализованного результата компонентного анализа семантики и описания структуры должно базироваться в рассмотренных случаях на дефиниционных парафразах, т. е. должно иметь базовую структуру дискурсивного аналитического определения. Последнее представляет собой синтагму, конструируемую из самостоятельно лексикализованных элементов и отношений в структуре семантических признаков леммы (дефиниендума), основными компонентами которой являются родовой признак (*genus proximum*) и отличительный признак (*differentia specifica*). Процесс перефразирования [11, гл. 2] происходит наряду с уменьшением постоянных, релевантных характеристик одних признаков под влиянием других, что ведет в свою очередь к их взаимодействию и комбинированию со специализированными, менее релевантными и относительно свободно выбираемыми признаками. Глубина слияния признаков определяется, как правило, на основе положения, согласно которому совокупность используемых дефиниционных элементов является величиной конечной и релевантной. В качестве опорной единицы при создании модельного словаря можно воспользоваться словесным объяснительным построением типа следующего (в приведенном примере особо важны род и число объяснительных единиц, а не набор или содержательная правильность): *kupieren*₃: «verkürzen // Ohrenteile und bzw. oder Schwanzteilen /bei Hunden/bestimmter Rassen/durch Beschneiden/zur Veränderung des Aussehens (der Hunde)». В настоящее время нет возможности определить, в какой мере и в какой форме можно использовать энциклопедическую информацию так называемого «общего знания» при составлении объяснений в словаре и в качестве критерия для определения условий коллокации. Мы отказываемся от применения обозначений «определение», «описание», «объяснение» при передаче или перефразировании значения в общем словаре, ибо такое объяснение не может и не должно соответствовать использованию этих терминов в сугубо научном и особенно естественнонаучном обиходе.

Несмотря на общее требование построения структуры значения с учетом родового и отличительного признаков, в некоторых случаях и для некоторых типов значений бывает невозможным включать в описание определенный набор свойств или толковать значение в объеме его составных частей. Для определенных классов лексем, например, для служебных слов типа союзов, предлогов, отрицательных частиц, необходимо выработать совершенно другие приемы описания значения. Союзы можно интерпретировать как знаки соединения, которые имеют характер указателей при осуществлении операций над конъюнктами с учетом условий употребления. Наряду с рассмотренными видами значения лексемы могут содержать информацию весьма гетерогенного характера, которую часто обозначают такими терминами, как «коннотация», «прагмема» и которая сигнализирует о допустимых или типичных условиях коммуникативного использования соответствующей единицы словаря. Поскольку отсутствует подходящее обозначение для этого явления, предлагается использовать глобальное, но вполне возможное наименование «неденотативная часть значения». Для системного описания лексического состава языка в современных словарях необходимо провести всесторонний анализ этого аспекта значения и определить характерные особенности, отличающие его от семантических структур, с тем чтобы и отдельные лексемы, не обладающие денотативно-референтными признаками значения, описать с учетом такой дополнительной информации. Речь идет не только об определении сфер собственного употребления лексем, но и о вычленении критерия для классификации парадигматических рядов, например, синонимических, или для определения коллокативных отношений.

Сведения о валентных свойствах лексем. Некоторые разряды лексических единиц требуют для полноты описания структуры их значения и способов правильного употребления включения сведений об их валентных свойствах, в соответствии с которыми осуществляется соединение слов с

теми или иными классами и подклассами других элементов. Из множества различных научных трактовок валентности наиболее пригодными для достижения однородности в репрезентации значений и толковании содержания слов являются те концепции, в которых валентность трактуется как синтагматическое явление, базирующееся на семантическом отношении предикатно-аргументной структуры предложения и предопределяющее синтаксические функции и связи потенциальных членов. В качестве исходного может служить следующее определение [12]: валентность — это синтагматическое свойство некоторых лексических единиц, которое дает им возможность — в соответствии со структурой их семантических компонентов — вступать в связи с некоторым количеством и определенным видом аргументов, которые выступают в качестве конститuentов предложения. Иными словами, валентность понимается как способность открывать свободные места для актантов определенного количества и вида. В этом смысле наряду с глаголами, валентные свойства которых наиболее очевидны и потому наиболее подробно описаны, носителями валентных связей и отношений являются также прилагательные, союзы и часть существительных (Б. Зандберг [13], например, выделяет нелексикализованные субстантивированные инфинитивы и три типа абстрактных имен). Вопрос о валентных свойствах других классов слов требует еще основательного изучения. Лексикографическое использование валентных данных может идти по пути, который предлагают Бальвег-Шрамм, Шумахер и др. [14]. Такое описание предполагает, наряду с непременным учетом семантики носителей валентности (т. е. базовых признаков), также системный семантический анализ аргументов/актантов по их количественным, семантико-функциональным признакам (семантическим падежам и ролям) и по обязательным семантическим параметрам, характеризующим их селективные свойства. На следующем этапе проводится соотнесение семантических отношений и признаков с синтаксическими функциями актантов на основании данных о синтаксических свойствах, функциях, дистрибуции актантов в поверхностной структуре и их морфологической форме как типовых членах предложения, включая предлоги. Основная проблема при выявлении селективных признаков заключается в том, чтобы охватить конкретные валентные связи и только их включать в описание. Дело затрудняется тем, что указанные условия отнюдь не всегда оказываются обязательными. Так, вполне возможно, что аргумент может относиться не только к человеческому существу, но и к персонифицированным предметам или к техническому приборам. Кроме того, на уровне «прагматической валентности» (термин Ружички [15]) следует решить вопрос о факультативном исключении актантов.

Макроструктура лексикона. Из указанного выше диалектического отношения между микроструктурами лексических единиц и их макроструктурными отношениями следует, что только некоторые виды информации, релевантные для отдельного элемента, определяют совокупность его значений и условия использования: речь идет о денотативно-референтном содержании, позиции в парадигме и совокупности потенциальных коллокативных партнеров. Основная задача исследования указанной проблематики и работы по созданию словарей нового типа состоит в том, чтобы теория и методика работы над словарем могли служить целям комплексного описания различных видов связей внутри лексико-семантической подсистемы, охватывать их в наиболее полном объеме и в обозримой форме, пригодной для практического использования. Поскольку функциональные свойства лексем, являющихся элементами словаря, давно уже не рассматриваются как нерасчленимые значимые единства и как самостоятельные разлагаемые единицы, а их внутренняя структура в общем и в частности считается доступной для анализа, то в этом случае и сфера семантических отношений между лексемами должна стать объектом системного и объективного исследования. Для них можно установить границы, причем несмотря на большое число элементов они являются в известном смысле предопределимыми.

Следует еще раз подчеркнуть, что ожидаемые результаты сами являются

ся самостоятельной целью исследования, которая состоит в анализе и описании структуры лексикона как такового; с другой стороны, эти результаты являются предварительным условием для того, чтобы к каждой отдельной лексеме на наиболее поздней стадии составления словаря «подогнать» соотносимые с ней части системного значения или дать ссылки на последние. Last but not least эти результаты являются необходимым условием того, чтобы каждой единице непротиворечиво приписать соответствующее объяснение значения, полученное на основе ее рассмотрения в рамках макроструктурной группировки.

Отношения синонимии. По вопросам синонимии (также как и антонимии) существует богатая литература теоретического и методического характера, включающая также работы по описанию разных типов группировки слов. В рамках предлагаемого модельного словаря внутренняя структура подсистемы синонимов мыслится как последовательность элементов с постепенно убывающими связями по отношению к основному значению. Каждый элемент последовательности связан с общим элементом (ведущим синонимом, семантической доминантой) [11, гл. 4], который часто репрезентирует базовую сему группы элементов и от которого другие единицы отличаются изменчивостью признака, контекстными семами или неденотативным содержанием, обнаруживаемым под влиянием специфических условий употребления. Этот выработанный практикой создания словарей метод разграничения единиц мог бы стать еще более объективным, поскольку, с одной стороны, критерием служат различия в описании микроструктур, а с другой — существует дополнительная возможность включения информации о характере соединительных связей, в которые вступает каждый элемент синонимического ряда. Чем больше сходные по значению лексемы имеют общих коллокативных партнеров, тем выше их «синонимичность». Основываясь на тех же принципах, можно было бы представить системные связи синонимических рядов как ряд, который по отношению к определенным группировкам коллокативных элементов выступает как состоящий из сходных элементов, находящихся в одинаковой последовательности и взаимно перекрывающих друг друга [11, с. 78—79; 91—93].

Понятие синонимичности является довольно гибким и широким. Оно относится не только к случаям строго эквивалентных соответствий типа *Fussweg = Gehweg = Gehsteig = Bürgersteig = (Trottoir) Etage = Geschoss = Treppe(n) = Stock*. Есть основания утверждать, что существует ряд переходов между синонимией и когипонимией/гетеронимией, как это, например, можно продемонстрировать на следующем наборе обобщающих гипонимов, соотносенных с гиперонимом *Beherbergungsstätte*: *Hotel, Interhotel, Grandhotel, Jugendhotel, Jugendherberge, Rasthof, Gasthof, Hospiz, Motel, Gästeheim, Gästehaus, Fremdenheim, Wohnheim, Internat, Herberge, Landheim, Ferienheim...* Такого рода непрочность связей соответствует реальному строению языка, в котором существует возможность соотносить симулятивные отношения лексемы с другими единицами по признакам семантического сходства (такие отношения служат основой изотопических связей [11, с. 27—41]). Это необходимо для выражения формы текстовой когерентности даже тогда, когда связи этих единиц в предметном и специальном аспектах оказываются не совсем точными: нем. *Schall = Klang = = Ton = Laut = Geräusch*; нем. *Gleis = Schiene = Schienenstrang = Strecke = = Linie*.

Иерархические отношения. Следующим этапом является сведение отдельных лексем и их вариантов к системе, характеризующейся иерархическим членением по вертикали и взаимными отношениями гиперонимии/гипонимии. Распределение по этим параметрам не является проблемой, поскольку оно строится в соответствии с принципами членения значения на основе облигаторного признака *genus proximum* с использованием четких системных критериев: нем. *Smoking ⊂ Gesellschaftsanzug ⊂ Anzug ⊂ Kleidungsstück*. Но сложности возникают все же во многих случаях в связи с тем, что включению подлежит большая группа или даже вся совокупность элементов синонимических рядов, которые связаны по-

добными отношениями. Ср. в качестве примера ряд гиперонимов, состоящий из синонимичных друг другу элементов, или гипонимическую группировку синонимических элементов в пределах ряда. Весь ряд в целом представляет собой группировку элементов, выступающих по отношению друг к другу как когипонимы/гетеронимы: ([с точки зрения:] периода жизни = возраста = возрастной группы) $\supset$ (*Baby = Säugling = Kleinkind \neq* [*kleines*] *Mädchen = Kind*) $\neq$ (*ljunges Mädchen = Jungmädchen = Backfisch = Teenager*) $\neq$ (*Frau = Erwachsene*) $\neq$ (*alte Frau = Alte*) $\neq$ (*Greisin*).

Оппозитивные отношения. Значительная часть лексического состава языка характеризуется контрастными значениями, и потому единицы словаря могут быть представлены в виде подсистемы оппозитивных отношений [11, с. 80—91]. Понятие оппозиции (как и синонимии) следует понимать широко, с тем чтобы иметь возможность все лексические пары, воспринимаемые говорящими как сильно дифференцированные или контрастные, представить в экстремных позициях под общим гиперонимом. Существование таких лексических пар является выражением логического (контрадикторного/контрарного) или диалектического (реального) противопоставления. В лингвистическом плане речь идет о следующих видах отношений: 1) конверсивности как выражении одного и того же положения вещей, реализующегося в противоположных планах: нем. *zahlen : kassieren* (один и тот же акт); *Steigung : Gefälle* (один и тот же участок улицы); *halbvoll : halbleer* (одно и то же состояние в зависимости от направления прилагаемых усилий); 2) комплементарности взаимно исключающих, но обязательно связанных, предполагающих существование друг друга значений: нем. *Ebbe : Flut; Inland : Ausland*; 3) антонимии в узком смысле, т. е. строго семантического противопоставления, при котором взаимная связь не является обязательной: нем. *bevorzugen : benachteiligen; längs : quer*; 4) конвенционального или факультативного контрастирования: нем. *Material : Form; zweihändig : vierhändig; Sonne : Mond*. Оппозитивные отношения имеют форму парных единиц, иногда они распространяются и на третий, «нейтральный» элемент: нем. *Maximum : (Mittelwert) : Minimum; überlastet : (ausgelastet) : unausgelastet*. Часто расположение единиц приобретает вид шкалы, в которой можно выделить два достаточно противопоставленных элемента в качестве антонимов: нем. *bettelarm : arm : bedürftig : mittellos : gutgestellt : wohlhabend : reich : vermögend : steinreich*.

Как и при других парадигматических отношениях элементы рядов — в данном случае полюса противопоставления — многообразно маркируются не только как отдельные лексемы, но и как члены двух контрастирующих рядов синонимов. Поскольку варианты полисемных лексем могут выступать в качестве элементов совершенно различных оппозитивных отношений при наличии контрастивных признаков, то эти связи существенно влияют на правильность распределения лексем в ряду и на точность толкования их значения. Так, например, немецкая лексема *freundlich* образует связи по крайней мере с 11 различными антонимическими рядами слов, тогда как словари обычного типа включают только четыре-пять вариантов значения.

Коллокативные отношения, или отношения совмещаемости. Под коллокативными отношениями следует понимать совокупность семантически правильно оцениваемых синтагматических связей, которые лексема или каждый из ее вариантов могут или должны реализовать на основе семной структуры ее семем по отношению к определенным классам других единиц этого типа. Хотя связи реализуются только на синтагматико-текстуальном уровне как один из видов «минимального контекста», они заложены уже в значении каждой отдельно взятой лексемы в виде соединительных и сочетательных потенций и отражают определенные отношения между явлениями действительности. Эта обобщенная форма так называемой семной совмещаемости является обязательным, но не достаточным условием нормативной коллокации. Помимо этого, существуют семемные ограничения на совмещаемость, которые выступают как свойства конкретной языковой системы. Мы не будем подробно останавливаться здесь на этих

правилах (см. [7]). Важно, что содержание семемы не должно логически противоречить соответствующей лексеме и что должно соблюдаться условие согласования между потенциальным и реальным содержанием соответствующей семемы.

Основной целью изучения отношений совмещаемости в структуре лексемы является получение информации о характере коллокации, описываемой по принципу «центр — периферия — предел» и выделение ступеней допустимых или недопустимых типов коллокаций в каждом конкретном случае (причем обязательно в форме, соответствующей лексикографическим целям). Это значит, что информация должна содержать, например, сведения о том, для какой из следующих немецких лексем (*lichten, durchforsten, ausforsten, roden, ausroden, abholzen, ausholzen, urbar machen, abhauen, aushauen...*) в качестве партнеров могут выступать слова, входящие в такой ряд, как *Wald, Waldland, Waldgebiet, Forst, Holz, Gehölz, Wäldchen, Hain, Park, Aue, Dschungel, Urwald, Taiga, Buschland, Gebüsch, ...*

Наряду с изучением и описанием свойств совмещаемости лексем как таковой результаты этой работы способствуют более детальному разграничению медиоструктуры значения лексемы, например, лексемы *Symphonie*, для которой на основе различных коллокативных отношений можно выделить три вида употребления: «процесс создания произведения»/«произведение как статичный результат творчества»/«воспроизведение, интерпретация». Такого рода процедура важна в одинаковой мере и для упорядочения, и для дифференциации лексем внутри обоих парадигматических субсистем, которые связаны друг с другом функционально отношениями партнерства.

Иного рода проблемы возникают перед лингвистами в случае отсутствия дифференцированности или наличия «неясности» (по терминологии Егера-Кёнига [16]). Недифференцированность имеет место, когда связи одной какой-либо значимой единицы с конкретно разграничиваемыми объектами сознания не являются достаточно точно определяемыми или отсутствует возможность определить их, так что эти содержательные объекты сознания получают «глобальное» выражение и не могут быть эксплицированы через коллокативные отношения или широкие контексты. Я называю это коммуникативно обусловленное совпадение семем в медиоструктуре «гиперсемемами». Примером может служить немецкая лексема *Brief*, которая почти всегда выступает одновременно и как «материальный носитель информации», и как «содержание информации», или *zweit* (с вариантами «gleichzeitig»/«zeitlich nacheinander»/«Rangfolge») в коллокациях с *Läufer, Wagen, Besetzung, Sieger*.

Непременной предпосылкой системного описания отношений совмещаемости является определение их теоретического статуса и особенно различий, которые существуют между валентными элементами или находят выражение в контекстно обусловленных семных отношениях и далее в связях общелогического характера. Можно сформулировать следующие основные характеристики валентности: валентность является особым случаем совмещаемости в самом общем понимании; валентность является потенцией и реализацией этой потенции; все коллокативные отношения базируются на валентности.

Другой стороной вопроса является решение методической проблемы: каким образом, опираясь на основную массу конкретных случаев, можно объективно, т. е. без пересечения с периферийными зонами, представить для каждой лексемы и ее вариантов объем и границы допустимых связей с другими элементами и как эти связи описать в наиболее обобщенной и в то же время достаточно конкретной форме. При этом набор коллокативных партнеров не должен сводиться к ограниченному числу примеров, отражающих в виде списка некоторое количество отобранных элементов; в то же время эти данные не должны быть излишне пространными по характеру субкатегоризации. Это можно продемонстрировать на примерах типа *schimmern* или *glitzern*. Совершенно недостаточны сведения в виде случайно выбранных слов, например, *Schnee, Wein, See, Kerze*, или ука-

зания типа «употребляется в отношении объектов, дающих или отражающих свет». Скорее следует обосновать сходства и различия семемных структур, характерных для отдельных элементов целостных группировок синонимов и когнитивных, например: *strahlen, leuchten, glänzen, funkeln, glitzern, blitzen, schimmern, blinken, flimmern, glühen...* Особое внимание необходимо обратить на потенциальные, частично или полностью общие (валентные) элементы, которые в свою очередь, в зависимости от совпадения или дифференциации по степени коллокационного «поведения», следует распределить по группам. Все объединимые в пределах определенной группы лексемы могут, но не обязательно должны быть сходными по значению; однако все близкие по значению элементы обладают сходными коллокационными отношениями.

Во многих случаях условие общности лексем, принадлежащих к самым различным понятийным группам, удовлетворяется уже в том случае, когда удастся установить сходство одного или нескольких общих признаков. Эти признаки с точки зрения объяснения значения нельзя считать совершенно релевантными; в переходной области такие признаки можно отнести к энциклопедическим знаниям: *Schnee, Augen, Meer* и *Geschmeide* соотносятся с *glitzern*, ибо все они имеют общий признак гладкой и/или мокрой, отражающей свет поверхности, находящейся в постоянном движении; кроме того, наблюдатель или источник света могут менять свое место по отношению к такой поверхности.

В отличие от парадигматико-иерархических отношений обработка общей системы коллокативных отношений представляет собой в теоретическом и практическом аспектах совершенно неисследованную область. До сих пор отсутствуют даже интуитивные попытки лексикографических разработок сравнительно небольшого объема. В этой связи следует указать на то, что словари [17] можно привлечь для сравнения лишь в ограниченной мере, ибо при их составлении преследовались другие цели, а именно описание парафраза текста как интегрированной последовательности ступеней — от базисного языка к конкретным плоскостям текста. Причем непосредственно используемый материал, группируемый в виде поля лексем, соответствует вербализации так называемой лексической области.

Количество информации, подлежащей обработке, как и определение объема модельного словаря, вряд ли можно предопределить. И все же отсутствие ясности в этих вопросах не должно останавливать лексикологов и лексикографов в проведении исследований в этом направлении. Ведь и Дорнзайф [18] перед началом своей работы имел дело с беспорядочной совокупностью из 70 000—80 000 значимых единиц, которые требовалось представить в виде упорядоченной системы. Поначалу усилия должны быть, видимо, направлены на установление набора связей совместимости коллокативных отношений на уровне синонимических объектов со сходными или пересекающимися коллокативными элементами. Затем целесообразно провести последовательный анализ и описание ограничений применительно к конкретным лексемам. Для проведения первых экспериментов можно с успехом воспользоваться целым рядом лексических единиц с относительно ограниченным объемом коллокации, например, *lauthals, baß, schnöde* и др.

Семантические фреймы. Начиная с 50-х годов во многих лингвистических областях (например, в психологии, социологии, вычислительной технике, сферах художественного творчества) введено понятие «frame», т. е. семантической рамки, которое также закрепилось и в лингвистике. Первоначально оно служило для описания и определения организационной единицы мыслительных структур и определенных перцептивных процессов. Хотя при лингвистическом употреблении и в лингвистических целях на передний план выдвигается необходимость расширения семантико-теоретической репрезентации посредством интеракциональных и контекстуальных связей (в том числе, толкования форм связности текстов), ведущие идеи, развитые в этой области, могут оказаться полезными при использовании непосредственно в лексикографии. Некоторые из этих идей уже давно применяются в лексикографической практике, получив,

однако, менее определенные названия и в некоторой степени «наивную» форму. Не останавливаясь на деталях формального и смыслового характера, я в заключение предлагаю рассмотреть два основных типа фреймов:

1) **С и т у а т и в н ы е ф р е й м ы** [19—21]. Они образуются из упорядоченного, репрезентируемого на нескольких пересекающихся уровнях множества пропозиций, которые характеризуют конвенциональные знания об элементах и отношениях в условиях типичных видов деятельности, типичных событий, ситуаций, состояний и их комбинаций. Такими ситуациями являются, например, «нормальные» обстоятельства и действия при посещении мест общественного питания, праздновании дня рождения, действия, связанные с посещением магазина или организаций сферы бытовых услуг. Отдельные части этой информации могли бы войти в лексикографические труды в качестве сведений о системных связях между лексемами, которые располагаются как бы по ту сторону парадигматико-синтагматических отношений (имеется в виду уточнение тех вопросов, которые относились раньше к содержанию словарей, составленных по тематическим группам). В этом случае дается, например, информация о фактических связях между леммами, такими, например, как нем. *Apotheke, Offizin, Apotheke(in), Medikament, Patient, Rezept* и др., и названиями сооружений, относящихся к этой сфере. Еще более существенной оказывается возможность единообразной обработки словарной статьи, включающей подобные группы лексем, с точным выделением связей между отдельными группами слов.

2) **С л о в е с н ы е ф р е й м ы** [22—24]. Они мотивируют, с одной стороны, отбор и включение сведений о чисто лексическом окружении лексемы, которое соответствует отдельным частям лингвистических макроструктур. С другой стороны, они в наиболее полной форме определяют включение в описание разнообразной информации общезначимого и специального содержания [например, при характеристике денотата *Uhr* «часы» по функциям, составным частям, материалу, конструкции, цвету, типу (в частности, в историческом и стилистическом аспектах), использованию и т. д.]. Страноведческие и культурологические связи слов, приводимые в некоторых словарях, по моему мнению, превосходят возможности толкового словаря. Для лексикографии было бы большим достижением, если бы с помощью комбинации сведений, содержащихся в микро- и макроструктурах, удалось дать, например, описание лексики на стыке между языковыми и энциклопедическими системами знаний, сделав такую информацию доступной для адресатов. Примером может служить информация о том, к каким животным применимо собирательное обозначение *Wild*, какие виды из них образуют группы, называемые *Herde, Rudel, Sprung, Rotte, Volk, Kette* и т. д., какие существуют обозначения для старых животных и для молодняка, для мужских и женских особей; существуют ли особые обозначения для потомства, как, например, *Frischen, Werfen, Wölfen, Setzen*. С помощью собирательного обозначения *Wild* объединяются и распределяются в одной или нескольких подсистемах лексемы из самых разных позиций парадигматической иерархии, связанные признаком «х со свойством/функцией у». При этом происходит дублирование или изменение основных «нормальных» отношений. Для рассматриваемой группы лексики это означает следующее: некоторое — вполне обозримое — число обозначений для млекопитающих и птиц из далеко отстоящих друг от друга зоологических классов объединяется по историко-конвенциональным или закономерно установившимся признакам (пригодность для охоты и пригодность для использования) и одновременно каждое обозначение из этого конгломерата элементов со сходными функциями входит по меньшей мере в два субкласса, в каждом из которых по две когнитивных или антонимических группы. В частности, они могут входить как в группу *Haarwild/Federwild*, так и в группу *Hochwild/Niederwild*. В группе *Haarwild* различаются *Raubwild* (но без противопоставления *Friedwild*, как в случае *Raubfrisch* и *Friedfisch*). Группу *Federwild* можно далее включать в синонимичную группу *Wildgeflügel*, противопоставляемую группе *Hausgeflügel*, и выделить общий гипероним *Geflügel*.

Как видно из сказанного, в этом случае достигается та граница, за пределами которой языковые макроструктуры начинают дублироваться и оказываются под влиянием гибких или нечетких, но в любом случае изменчивых экстралингвистических принципов упорядочения слов. Языковые макроструктуры становятся подвижными, трудно воспринимаемыми, и для нас, лексикографов, являются не более чем охотничьим кодом.

Перевела с немецкого *Бабенко Н. С.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Deutsche Wörterbuch. Hrsg. von Wahrig G. Bd. I—VI. Wiesbaden — Stuttgart, 1980.
2. Wiegand H. E., Kučera A. Deutsches Wörterbuch [Hrsg. von Wahrig G. et al.] auf dem Prüfstand der sprachlichen Lexikologie. Tl. I — In: Kopenhagener Beiträge zur germanistischen Linguistik, 1981, 18; Tl. II. — In: Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie. Hrsg. von Wiegand H. E. Bd. II. Hildesheim — New York, 1982.
3. Drosdowski G., Henne H., Wiegand E. Nachdenken über Wörterbücher. Mannheim — Wien — Zürich, 1977.
4. Henne H., Mentrup W., Möhn D., Weinrich H. Interdisziplinäres deutsches Wörterbuch in der Diskussion. Düsseldorf, 1978.
5. Praxis der Lexikographie. Hrsg. von Henne H. Tübingen, 1979.
6. Wortschatzforschung heute. Aktuelle Probleme der Lexikologie und Lexikographie. Hrsg. von Agricola E., Schildt J., Viehweger D. Leipzig, 1982.
7. Probleme der semantischen Analyse. Hrsg. von Autorenkollektiv unter Leitung von Viehweger D. Berlin, 1977.
8. Wotjak G. Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung. Berlin, 1977.
9. Kade O. Paradigmatische und syntagmatische Bedeutungsanalysen beim russisch-deutschen Sprachvergleich. — In: Linguistische Studien. A-57, Berlin, 1979.
10. Neubert A. Arten der lexikalischen Bedeutung. — In: Linguistische Studien. A-45. Berlin, 1978.
11. Agricola E. Textstruktur-Textanalyse-Informationskern. Leipzig, 1979.
12. Pasch R. Zum Status der Valenz. — In: Linguistische Studien. A-42. Berlin, 1977.
13. Sandberg B. Zur Repräsentation, Besetzung und Funktion einiger zentraler Leerstellen bei Substantiven. Göteborg, 1979.
14. Ballweg-Schramm A., Schumacher H. et al. Verbalvalenz-Wörterbuch auf semantischer Basis. — In: Praxis der Lexikographie. Hrsg. von Henne H. Tübingen, 1979.
15. Růžicka R. Three aspects of valency. — In: Linguistische Arbeitsberichte. 23. Leipzig, 1978.
16. Jäger G., Koenitz B. Semantische Eigenschaften sprachlicher Mittel. — In: Linguistische Arbeitsberichte. 28. Leipzig, 1980.
17. Reuther T. Plädoyer für das Wörterbuch. Materialien zu einem erklärend-kombinatorischen Wörterbuch des Russischen für Deutschsprechende. — In: Linguistische Berichte. 57. Braunschweig, 1978.
18. Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin, 1965.
19. Minsky M. A framework for representing knowledge. — In: The psychology of computer vision. Ed. by Minsky M. New York, 1975.
20. Schank R. Conceptual information processing. Amsterdam, 1975.
21. Fillmore Ch. Frame semantics and nature of language. — In: Origins and evolution of language and speech. Ed. by Harward St. R. et al. New York, 1976.
22. Winograd T. Understanding natural language. New York, 1972.
23. Ballmer Th. Frames and context structures. — In: Zum Thema Sprache und Logik. Hrsg. von Ballmer Th. Hamburg, 1976.
24. Metzinger D. Frame representation and lexical semantics. — In: Words, worlds, and context. New approaches in word semantics. Ed. by Eikmeyers H. J., Reiesen H. Berlin — New York, 1982.